— Дурень, да они, может, больше нас переживают, жалеют. Потому и зовут к себе.

— Зовут, зовут, — шумел Федор Михайлович. — Никуда не поедем, так и отпиши им.

Волнения, переживания не прошли бесследно для Боровикова. Сдали нервы, разболелся, особенно нещадно заломило под лопаткой, где с военной поры "гостил" фрицевский осколок мины. Он, этот "злой осколок", давший о себе знать, и уложил его в постель.

А на ферме, похоже, забыли о Боровиковых, обещанное молоко им, как, впрочем, и другим, перестали отпускать. Да и откуда было его взять, если ферма дышала на ладан.

— Вот заработали, за столько-то годов! — кусал сухие губы Федор Михайлович.

К весне он все же оклемался, стал выходить на улицу. Бабы опять пошли к нему с разными просьбами, понесли в починку те же грабли, вилы и прочий огородный инвентарь. За работой и настроение у него оживилось, хотя о потерянной корове не забывал. Увидит стадо, которое перегоняли на пастбище по приболотной дороге, и туда. Идет до тех пор, пока не увидит Пестряну.

Но вскоре ее выбраковали и свели вместе с другими на бойню. У старого и сердце упало. Вместе с надеждой на пропавшую собственность, на обещанные новыми властями добрые времена.

...А по дороге, что вела через запольную низину в боры, шли и шли тяжеловозы с корабельным лесом, который понадобился заокеанским богачам.

Проезжая мимо Выселок, шоферы нажимали на клаксоны, гудели, словно давая знать, что дело у них идет споро. А может, по-своему приветствовали деревню? Только звучало это невесело, как-то прощально...

ВСТРЕЧА

Встретились они через восемь лет после разлуки. Михаил оставался в районном городе, а Сергей все эти годы где-то странствовал, что-то его не устраивало в "родных пенатах". Уехал, и ни слуху ни духу. Михаил мог только вспоминать о нем: ведь такими были закадычными друзьями. В одной школе учились. Вместе уходили в армию, ели из одного котелка. В один и тот же год женились. Ходили друг к другу в гости.

Дружба!

Получали тогда не тысячи, а рубли. Но на жизнь хватало. Да, газетчики — они работали в районке — не такие были и требовательные, питались и одевались по-рабоче-крестьянски (выражение Михаила).

Но восемь лет!..

Вроде, уже и нежданно-негаданно приехал Сергей в город былой своей молодости. Искать Михаила ему не пришлось — по-прежнему тот работал в редакции, к ней друг и подъехал на новенькой машине, одетый тоже во все с иголочки: серый в крупную клеточку костюм, белая сорочка с цветастым галстуком и золоченой наколкой, туфли на высоком каблуке. Все это дополнялось щепоткой огнистых усов на слегка вытянутом лице и короткой в лопаточку бородкой. Этакий импозантный.

Увидев его, Михаил даже развел руками.

— Ты ли это, Сергей?

Вместо ответа тот обнял его и троекратно поцеловал. Потом уже оглянул его с ног до головы, стоявшего в узеньких, потертых на коленках джинсах, в рубашке с незастегнутым воротником и легких сандалетах местного производства, и спросил:

— Все тут, на этой "улице Заречной"?

— Все тут, на этой улице.

— А не думаешь, что задержался?

— Нет, не думаю.

— И газетка все "болеет" за район?

— Болеет, но не все время. Бывало, закрывали за эту "болезнь". Раз уже выселяли из помещения.

— Кто?

— Ну, это уж, дорогой земляк, банальный вопрос. Кто теперь не знает "закрывателей"?

— Гм... Потом опять все снова?

— Опять. Так что работы хватает.

— Стоик. Старомодный, правда.

— Что делать — лучшей моды не вижу...

Замолчали. Чтобы заполнить паузу, Сергей, не спеша, вынул из широкого нагрудного кармана пачку "Мальборо", угостил Михаила дорогой сигаретой, взял также и себе и щелкнул зажигалкой, исполненной в виде обнаженной купальщицы. Закурили.

— Однако ж, — произнес Сергей, — что мы тут стоим? Кончай-ка и — в ресторан. Надо же отметить встречу. — Он вскинул гладко набриллиантиненную голову. — Прошу!

— Сейчас не могу, готовлю материал в номер, — извинился Михаил и предложил: — Давай лучше вечерком у меня посидим. Лизе, жене, я позвоню, ей тоже будет интересно встретиться с другом молодости. Сдела-

ешь свои дела — и айда! — воскликнул он это бойкое словечко "айда", которое раньше было в их непременном обиходе.

— Живешь все там же, на Сенной, в доме с голубятней?

— Не расстаюсь. И сизари со мной не расстаются, — засмеялся Михаил. — А помнишь, как гоняли? Не правда ли, хорошее было времечко, веселое?

— Ладно, ладно, договорились, — остановил его Сергей. — Приеду обязательно. А пока — оревуар!

Гость, действительно, не заставил долго ждать себя: сразу, как только Михаил вернулся с работы, подъехал и он на своей машине. Поднявшись на второй этаж, где дружок занимал небольшую квартирку, позвонил. Открыла Лиза, маленькая юркая блондинка, Лиза-беленькая, как ее звали раньше. Он, сняв шляпу, вполне "по-цивильному" поцеловал Лизину руку, затем поднес ей коробку с подарками.

— Ой, Сережа, да зачем это? — застеснялась она. — Правда, неудобно принимать, траты какие...

— Пустяки. Обыкновенный презент.

Накинул на ее плечи тонкий, из легкой шерсти платок.

— А это для тепла. Ты, помнится, все обижалась на холод.

— Было, было, Сереженька.

— То-то же. Я ведь все помню, — посмеивался он.

Подошел Михаил, успевший переодеться по-домашнему.

— Лиза, что ты тут, в коридоре, держишь гостя?

— И верно, — подхватил гость, — показывайте свои апартаменты. Что прибавилось, что изменилось в семье редактора товарища Шачина... — велеречиво добавил он.

Квартира у товарища Шачина была все та же, двухкомнатная, обыкновенная хрущевка. Чистенькая, опрятная, однако ж.

— Не маловата? — справился Сергей.

— Ничего, пока хватает. Разве когда подрастет дочурка, — закрыла Лиза дверь в боковушку, где сидела девочка с косичками, учившая уроки. — А у тебя как, Сережа, — спросила его.

— Да тоже хватает...

— Ну и ладно, ну и хорошо, — с обычным добродушием проговорила она. — А теперь за стол. Садись на свое место, Сережа, вот здесь, у окошка, где раньше, бывало, сидел, да, да. Помнишь, соберемся шумной компанией, наговоримся обо всем и песни запоем. Ты тогда на гитаре играл. Так под гитару. Не забыл? Сейчас-то играешь?

— Сейчас, милая Лизанька, дела, дела, дорогая, — солидно ответил он.

— Конечно, конечно. Время на месте не стоит.

— Именно, — с значением подтвердил он.

Михаил пока в разговор не вступал. Слушал да подносил гостю. И все думал о нем, оперился, нечего сказать. Вот тебе и рыжий Сережка. Вот тебе и тараканьи усы! Вспомнил он, что так раньше в шутку называл дружка. Черт, но где же он работает? Так ведь и не сказал. Ну, погоди! И продолжал подливать "Пшеничную" в его стаканчик.

Гость не чванился, выпивал охотно. Лиза все подкладывала ему закуску да приговаривала:

— Ох, Сереженька, хорошо, что встретились. Хоть поговорим. Нину, женушку-то, что не взял с собой? Здорова ли она?

— Сейчас, сейчас все расскажу.

Его, захмелевшего, и впрямь потянуло на разговор. Кивнул на Михаила, на его сощуренные черные глаза.

— Цыган тоже вон глядит на меня. Дескать, открывайся, кто ты теперь. Хо! Можете называть меня представителем "новых". Да, дорогие корешки, перед вами бизнесмен. Начинающий. Свойский...

Михаил перевел взгляд на жену.

— Вот видишь, а ты все Сережа да Сереженька. Умаляешь значение возвысившегося человека. Называй полным именем: Сергей Николаевич, господин такой-то...

— А ты не язви, — перебил его Сергей. — Грех, что ли, я совершил, что вылез, поднялся? Поездил бы с мое в "забугорье" за тряпками...

— Которые здесь продавал втридорога.

— ...так узнал бы кузькину мать, — не отвечая на реплику Михаила, закончил Сергей. — Впрочем, — помолчав, добавил он, — это уже позади, это, как писали классики, был период первоначального накопления. По формуле Д-Т-Д.

— У классиков была прибавка в виде маленького "д".

— Ишь ты, поправил, — хохотнул Сергей. — Что ж, прибавка дельная, денежная.

Разговорившись, он похвалился, что у него есть уже свой магазин.

— Живу! А ты, — упрекнул он Михаила, — как прикипел тут, даже квартиры хорошей не нажил. Жалко мне тебя, друг.

— Напрасная жалость. На чужом горбу я не ездил и не поеду.

— А я что — на чужом выехал? — обиделся гость.

— Святая простота. Будто ты и впрямь особенный, никого не подминал под себя, выгребаясь наверх. Да иные, наверно, отдавали последние "деревянные" за твой импортный ширпотреб, который у нас уж не выпускают. Но сказано: не ходи по косогору, сапоги стопчешь...

— В скобках — Козьма Прутков, да? Я в отношении цитат не мастак. Но тоже скажу: не прозевай время. Все сейчас приспосабливаются к жизни, а нам что — смотреть по сторонам, да?

— Кто все?

— А кто? Начни хоть с главного. Из секретарей обкома — прямым ходом в Кремль. С социализмом, уверяет, покончено, даешь общество собственников! А бывший партийный идеолог? Этот захватил телевидение и вещает, что общество собственников, то есть капитализм, всерьез и надолго. Все крадутся к жирному столу. Такие оказались коммунисты. Не так, что ли? Молчишь?

Михаил и в самом деле долго молчал. Конечно, Сергей говорил правду, но не всю. Зачем винить всех-то коммунистов? Тех, кто стоял у станка, кто работал на полях, на стройках, на ком и держалась Россия? Разве они грабят народное добро? Разве они возводят себе особняки, даже дворцы? Разве не эти рядовые партийцы при перевертышах в первую очередь лишились работы, оказались униженными и оскорбленными? Зачем же их смешивать с перебежчиками?

— Говори, — торопил Сергей.

Нет, сейчас он, пожалуй, только нагрубит ему, струна натянута до предела. Посчитаться надо и с его положением гостя. Негромко, но с твердостью в голосе он, наконец, сказал:

— Не трогай тружеников, настоящих коммунистов!

Трудно сказать, понял ли Сергей, но что задумался — это так. И теперь уже надолго замолчал и он.

Михаила все же не отпускала мысль: как же он, Сережка, стал другим, бросился на приманку? Так вдруг? Но вдруг ли? Вспомнилось, как тот, когда еще работал в редакции, читая заметки о разных дельцах, наживистах, вздыхал, что вот же везет кому-то. Правда, вздохи эти он сопровождал презрительной усмешкой. А не оттуда ли все началось?

Лиза, чтобы как-то разрядить напряженность, встрепенулась:

— Ой, мальчики, заслушалась я вас, забыла и о чае.

Побежала в кухню. Спустя несколько минут вернулась с чайником и объявила:

— Заварила крепкий. Ниночка, помню, любила такой. В ее честь. Ты, Сереженька, в следующий раз приезжай с ней. Слышишь? Кстати, о ней ты так ни словечка и не сказал.

— Мы давно уже не живем вместе, — ответил он.

— ?

— Да, как говорится, не сошлись характерами. Какими-то мы изломанными вдруг оказались. А почему?

Не ответил. Может, еще и об этом придется ему подумать.

ДУНЯХИН ЮБИЛЕЙ

Накануне у бабки Авдотьи была великая стряпня. Варила грибы, только что собранные в березнячке за колосящимся ржаным полем. Там же успела набрать несколько горсточек земляники для пирожков, благо нашелся для этого сбереженный пакет белой муки. А из овсяных хлопьев сготовила сладко-кислый кисель, который так любили в ее семье, теперь уже бывшей. По деревне разносился дразнящий, вкусный запах варева и печева.

Старалась бабка Авдотья неспроста. Подкатила круглая дата в ее жизни — восьмидесятилетие. Не думала, не гадала, что проживет до таких лет, потому что никто в ее роду так долго не жил. Поэтому заранее, как это делалось во многих приречных деревнях, она и сосновую домовину себе припасла. Ложилась в нее, примеривала. Оказалась как раз впору, ничуть не стеснила ее, легкую, усохшую телом. А вышло — зря поторопилась, душа не покинула ее.

Как же не отметить такое событие!

Жизнь она любила, хотя немного выпало ей счастливых денечков, больше-то доставались горести. Главное — не устоялась, не закрепилась семья. Мужа лишилась в неполные тридцать лет — не вернулся с войны, единственный сын, на коего надеялась как на кормильца в старости, умер в малом возрасте. Одна осталась.

Верно, спустя несколько лет привела в дом приезжего, с виду обстоятельного человека, в средних годах, но вместе прожили недолго — оказался пьяницей, тащил из дома последние пожитки. Прогнала. И заперла свое серденько на замок.

А последние годы и здоровье сильно пошатнулось, порой совсем отказывали шишковатые, в тромбах ноги: сколько ведь походила за долгую жизнь — за плугом и бороной, на покосе и уборке, на всех нелегких деревенских работах. Ослабело и сердце. Вон на углу дома красуется дощечка, заключенная в золотистую раму: здесь живет такая-то почетная колхозница. Так этот почет вот где — на ссутулившейся спине и на тех же больных ногах.

Вообще-то, она мало обращала внимания на свои недуги. Было бы солнышко, посмеивалась, будет и жизнь. От любой работы не отказывалась. По весне ходила в бригаду отбирать на посадку картошку — вечно из-за ротозейства кладовщика в холодном хранилище чуть не половина клубней перемерзала, летом без ее участия не обходилась сушка сена, а осенью ее, старую льноводку, звали на сортировку и вязку снопов. При

деревенском малолюдии были дороги каждые рабочие руки, тем более такие умелые, как у нее.

Работала, без работы она не могла.

Перерыв пришелся только на один неполный прошедший год, когда последней в опустевшей деревне заколотила свою избу и по снежной пороше с неутешным плачем отправилась из своей Березовки в районный интернат. Так не хотелось ехать, покидать родной очаг, но что делать: одна разве проживешь в покинутой глухой деревне? Напугало ее тогда одиночество.

В интернате подселили ее в небольшую светлую комнату к такой же одинокой женщине, которая встретила ее приветливо, вдвоем, мол, не заскучаем. Что ж, жить тут было можно, все готовенькое, ни о чем не беспокойся. И первое время усталая Авдотья предавалась отдыху, о котором в деревне, в суете, в заботах, и думать не могла. Но с наступлением весны, как только забурлила полая вода, покой покинул ее.

Почувствовала неизбывную тоску по деревне, ее неостановимый зов, как это бывает, когда испытываешь некую свою вину. В деревне вот-вот начнутся полевые работы, а она тут вылеживается, бездельничает. Не грешно ли? Ведь на произвол судьбы оставила свой дом, свои родные места. А это все равно, что бросить мать, которая взрастила тебя. Грех, грех!

Именно здешнее безделье больше всего угнетало ее. Если разобраться, так не удовольствие, не радость в этом, а одно несчастие.

— Как на угасание приехала, — пожаловалась она привыкшей к интернатскому режиму соседке.

— А чего ж ты, милая, ждала? — ответила та с притерпевшейся обреченностью. — Все тут на угасании. Все ожидаем своего часа...

— Вот как! А может, я еще жить и работать хочу, может, меня не хватает там?

— Где там?

— В колхозе, в деревне, где же еще...

Нет, она не привыкла так, по-интернатски, жить, коротать время. Зачем ждать этого "часа", он сам придет, о нем лучше забыть. Думать, так о другом, да, да!

Чувствовала: руки, ее натруженные руки вновь тянулись к работе, которая казалась ей прямо-таки спасительной, причем как для нее, так и для деревни. Обоюдно. И засобиралась. Никакие уговоры на нее уже не действовали.

Вернулась с бьющимся, изболевшим сердцем.

Бог ты мой, какой жалкой сиротиной предстал перед ней собственный дом, без света в заколоченных окнах, как немощный слепец. Крылечко, с

которого она раньше по утрам встречала зарю, разгорающуюся над рекой с плывущими завитками тумана, покосилось, под ногами жалобно скрипнули половицы.

Да будь неладен тот осенний день, когда она решилась уехать отсюда. Скорее, скорее отколачивать доски, ослепившие дом. Скорее затопить печку, согреть отсыревшую избу. Скорее вдохнуть в родной очаг жизнь. Скорее, скорее... И вот уже из трубы, давно не знающей тепла, заструился сизый дымок. Выбежала она на улицу, глянула — дым стлался вдоль поредевшего порядка, жилым духом запахло. Как же это хорошо!

Наверное, самой хлопотливой была для Авдотьи эта весна. Днями пропадала в бригаде, в том же картофельном хранилище — кто без нее так тщательно отберет здоровые, уже с лиловыми глазками клубни для посадки!

Надо было и своим огородом заняться. Копала грядки, сажала лук, свеклу, морковь, редиску — всего понемногу.

Все сделала. Не могла только поднять повалившуюся изгородь, одной было не под силу. Вообще-то, изгородь стала рушиться еще год назад. Тогда бабка понадеялась на братенника Андрея — так уж он обещал подновить огород, когда приезжал к ней то за свежим луком, то за грибами первого засола и молодой картошкой. Не сделал, некогда... А потом уже вроде и не к чему было — сама снялась с места, уехала.

Вызвался было помочь ей дачник Семен, поселившийся с внуком в соседней заброшенной избе. Но как было принимать услугу от него: инвалид, с трудом ковылявший на костылях. Нет, нет, она подождет братчика, на ее праздник он непременно приедет.

А праздник — вот уже. Пирогами запахло. Приедет ли только племянница Танюшка, экзамены у девчонки. Кого-кого, а ее-то она больше всех любит и уважает. На нее и завещание подписала, ей и дом, и все хозяйство. Брат к городу привязался, а Татьянка спит и видит деревню. Каждое лето тут у нее жила. Подружилась с молодой телятницей, ходила к ней на ферму, помогала, а потом восторженно все рассказывала, какие хорошие телятки, до чего симпатичные у них мордашки, а глаза умные, ну как человечьи.

Так полюбились ей "деревенские животные", как она называла телят. И сколько ни подсмеивалась над ней молодая жена Андрея — пора бы, дескать, не о телятах думать, а о женихах, — стояла на своем, что после школы обязательно переберется в деревню, к ней, бабке Авдотье, и поступит на ферму. Там, доказывала, так интересно.

Дай-то ей бог, молилась бабка, по-доброму, с усердием сдать экзамены и вернуться к ней. И пусть брат не останавливает — она жила в его

семье. Теперь уж хватит. Спасибо, конечно, что приютил ее после смерти мамушки, как говорится, по-братски. Зато ведь и сестрино имущество перекочевало к нему. Не зазря содержит. Приезжай, приезжай, Танюша, знай, что старая ждет тебя.

Ночь перед юбилеем Авдотья спала плохо. Не один раз вставала, семенила к столу, накрытому чистенькой холщовой скатеркой с кисточками своей работы, не забыла поставить глиняную в глазури вазочку с желто-солнечными купавницами, посмотреть, не перегрелся ли в кувшине клюквенный морс. Пожалуй, надо вынести его в сени, на холодок. Господи, а самовар-то на что похож — потемнел, как этот, что приезжал в Москву, по телевизору еще показывали, офиоп. Чистить, чистить надобно.

Только к утру по-настоящему сморил ее сон. Проснулась, протерла глаза: батюшки-светы, солнышко-то в темя упирается, проспала.

Но нет, все успела сделать к приезду гостей: и свежий, вымытый в речке половичок постелить на крыльце у входа в дом, и пройтись с березовым веничком в избе и даже в сенях, и повесить свежевыстиранные занавески на всех трех окошках, что глядели в палисаданик, где отцветала калина, стряхивая на землю серебро лепестков. Потом выставила на стол колосовички, полный сливочник сметаны, клюквенный морс. Осталось только поджарить картошку с тушенкой (спасибо знакомой продавщице — у нее выпросила), подогреть пирожки и принести из чулана бутылку самогона, настоянного на корнях калгана.

Суетилась, ох суетилась бабка. В ниточку тянулась, лишь бы по-доброму, по-людски справить день рождения. В заботах забыла она о своих "болестях". Более того, почувствовала необыкновенную легкость, сухонькое, в мелких морщинах лицо даже зарумянилось. Давно бы надо вот так встряхнуться, а то распустила вожжи, попеняла она на себя.

Гости не задолили, прибыли как раз к обеду. Кроме Андрея, коренастого увальня, и его жены, тоненькой, в короткой узкой юбке с разрезом позади, плотно обтягивавшей округлый гуз, приехал с ними незнакомый длинноволосый лобан с аккордеоном, сыгравший хозяйке, как только она вышла на крыльцо, туш. Потом пришли две пожилые женщины с центральной усадьбы.

Бабка все глядела с крыльца на тропу, вытекавшую из перелеска, не покажется ли Танюшка. Андрей перехватил ее взгляд и хмыкнул:

— Не заглядывай, не появится твоя любимица.

— Жалко. Из-за экзаменов?

— Ха, экзамены! Кто-то ведь должен и дома быть. Времена-то какие...

— За сторожа, стало, оставили. Эх, Андрей! — огорчилась Авдотья.

Ладно, ладно. Веди-ка в дом, горло надо промочить, — хохотнул невозмутимый брат, поворачиваясь к дверям.

Идите, — сказала она, а сама еще заглянула к соседу, его пригласила. Тот поздравил ее, но не пообещал прийти.

За столом сразу стало шумно. Тут поздравляли и выпивали. Когда бутылку самогона осушили, Андрей выставил на стол баклажку спирта.

Этот покрепче, позабористее, — подмигнул он.

— А где красное? — спохватилась интеллигентная жена. — Поищи, Андрей. Нам с дамами, — оглянула она, чистенькая, нарядно одетая, присмиревших колхозниц, повязанных платочками, — мужицкий спиритус противопоказан. Верно я говорю? — с усмешкой обратилась к ним.

Те стеснительно закивали.

Андрей достал из сумки бутылку портвейна, разлил по стопкам, и жена отвесила ему поклон.

— Спасибо, папочка.

Авдотье странно было слышать это слово. Какой же он папочка, коль не нажил со своей форсуньей ни одного дитяти, если не считать Татьяну, которую они при случае называли дочкой.

— Что ж, чаши наполнены, поднимем! — возгласил Андрей. — Под сестричкины аппетитные грибки.

Жена поморщилась.

— Мне грибы нельзя. Печень...

— Не рановато ли жаловаться на оную такой молодой и цветущей женщине? — заметил, вожделенно глянув на нее, лобан.

— А печень не признает возраста, — игриво крутнула кудрявой головой "печенежка". Встала, вынула из сумки палку копченой колбасы. — Извините, забыла раньше выложить. Да, кстати, Авдотья Никаноровна, подарки тоже потом — не успели купить...

— К чему мне подарки? Спасибо, что приехали, не забыли старую, — поблагодарила она.

Но когда гостья принялась за колбасу, Авдотья невольно качнула головой. "Вот-вот, грибы ей нельзя есть, а копченку можно. Привередница. Так я старалась, и на тебе..." Дотянулась до банки морса, налила стакан.

— Отпробуй хоть напиточек. Уж он-то не навредит здоровью: клюквенный. А клюковка — ягода полезная, от всех болестей. Чем богаты, Катенька...

Катенька отхлебнула глоток.

— Кисловат, — отставила стакан.

— Ты, Дуня, сметанкой ее угости, — предложили не без удивления наблюдавшие за гостьей колхозницы. — Сметанка свеженькая. Ну-к, Катерина, как вас по батюшке?

— Можно не величать, — великодушно отказалась она назвать свое отчество. — А ложечку, пожалуй...

Попробовала. Понравилась. За первой ложечкой съела вторую.

— Мерси, бабоньки, вкусно, — похвалила она.

А братенник со своим дружком тем временем глушили спирт, с покрякиванием опорожняли блюдо с грибами.

— Вкусна у тебя, Дуня, грибная свежатинка. Право, молодец ты у меня, ей богу. А горячее есть?

— Сичас, сичас, — заторопилась ободренная похвалой старая. Принесла с кухни тушенку.

Вкусный запах наполнил избу, у Андрея раздулись ноздри.

— Приятно. Лучку только добавь, своего, зелененького...

Принесла Авдотья и луку, целые гроздья. А немного погодя на столе появились и пирожки с земляникой.

— Кушайте. Подружки, вы-то что опять присмирели? Кушайте, милые, не скучайте.

— А мы сейчас их развеселим, — загрохотал шумный гость.

Водрузил на колени аккордеон и заиграл плясовую.

— Рано. Вы песню, пожалуйста, — попросила Катенька.

Заиграл "Златые горы".

— Самая общественная, — пояснил. — А ну-ка, дорогие крестьяночки, кормилицы наши...

— Господи, нашел что предложить, — хмыкнула Катенька, — какую-нибудь из современных можете?

— Могу про журавлей...

— Потом! — хлопнул по мехам аккордеона Андрей.

Он изрядно захмелел. Поглощая последние куски мяса, с хрустом прожевывая лук, кивал и кивал сестре:

— Молодчина, ну и молодчина же ты у меня. В брошеную деревню приехала и, поди ж, снова обжилась. Это, это... Ого-го... Огород-то сама вскопала и посадила?

— Слава богу, не разучилась с земелькой знаться. Изгородь бы только поднять. Одной никак. А ты еще в прошлом году...

— Значит, сама, — не слушая ее, продолжал он. — И лук, и эти самые... пасленовые. Ну, сестричка!..

— Такой имениннице вся стать в фермеры податься. В современные. Хватка есть, хозяйская, — то ли в шутку, то ли всерьез посоветовал волосато-лобастый, снимая с плеч ремни аккордеона.

— А что, сестричка? — подхватил Андрей. — Верно! Дерзни-ка, хо-хо...

Хохоток возмутил старую.

— Самому бы тебе, здоровяку, в фермеры-то, — сказала она.

— Ну нет, я пас, — отбрыкнулся он. — Не мое дело ковыряться в земле и навозе.

— Эх, Андрей, — с укором проговорила сестра. — От чего ты отвернулся? От родной земли. А не она ли тебя взрастила? Жену я не считаю, она от роду горожанка. А ты...

— Затыкала, — недобро свел густые брови Андрей. — Что я — хуже других, не могу жить в городе? Не так обут, одет?

— Именно, — подхватил шумный гость. — Во всем импортном. Чик-брик...

— Да, Гоша, да, — не поняв иронии, согласился Андрей и запоздало отрекомендовал своего Гошу. — Это наш транспортный бог — прошу любить и... ээ жаловать. Да, сестричка, меня не жди, и жену тоже. Она у бизнесменов... Знаешь, сколь зашибает? Не одну сотню...

— Тыщ, — досказал Гоша.

— Опять же скажу — и я не лыком шит, — горячился в хмеле Андрей. — Не обсевок в поле. Место на складе лесозавода получил. Складом, поняла-нет, сестрица, целым складом ворочаю. Навар — слава богу! Не как у вас здесь. К тому же этот бартер.

— Что-что? — не поняла Авдотья.

— Вот видишь, ты и не знаешь. Это, милая юбилярка, такая сделка с одной инофирмой. По согласию: ты — мне, я — тебе, — пояснил Андрей. — Мы фирме сырье — лес, пиломатериалы, нам она готовые товары, ту же одежу, а то и продовольствие. Вот эту, к примеру, колбасу где взял? — ткнул он полусогнутым пальцем в тарелку, в которой слезились аппетитные, коричневатой окраски кружочки с мелкими крапинками жира, которые поочередно поддевала вилкой жена, манерно отставляя мизинчик с лакированным ноготком. — Думаешь, в госторговле? Дождешься от нее блага, ха!

— Сытно, выходит, живете, — заметили долго молчавшие колхозницы.

— По-цивильному, — хохотнул Гоша. — Главное теперь именно бартер, обмен.

— А если у меня нечего менять? Не у всех же склады?

— Тогда, извините, зубы на полку, — прогрохотал веселый Гоша. — Или переезжайте и вы к нам в город, — немного смягчил он ответ.

— Всем в городе не прожить. Кому-то и хлеб надо добывать. А он в городе, на улице, не растет. В поле он, хлебец-то. Дуняха вон знает. Под-

держать бы надо деревню. А ее все корчат, ломают. Мы вон едва отстояли свой колхоз. Надолго ли только. Власти-то какие ноне крутые. Председателю нашему спасибо, не дал растащить нажитое.

— Что же он не пришел поздравить?

— В район срочно вызвали. Колхозу-то опять грозят. Строгая бумага, слышно, сверху пришла. Господи, да когда же это кончится? Трясут и трясут деревню.

Обе колхозницы засобирались домой, Авдотья стала было останавливать их, но в ответ — и так, мол, засиделись среди хороших гостей...

— Ишь, сознательные!.. Танька тоже на них похожа, — сердито посетовал Андрей. — Давай ей деревню. Не живется у нас в тепле-добре.

"В добре ли? — подумала про себя Авдотья. — Взяли в дом, порадели вроде: сиротина, мол, без мамки осталась. А живет-то как в прислугах у этой форсистой женушки. О господи!"

— Так это верно — ей ты отписала дом, сестрица? — помедлив, спросил брат.

— А что это тебя вдруг задело?

— Родство, стало быть. Не ошиблась? На что ей, э... сопливой девчонке, дом, эта брошенная деревня? Думаешь, будет в такой дыре жить? Разжалелась...

— А вот и разжалелась, — твердо ответила Авдотья. — Чего тебе-то переживать? У тебя есть жилье в городе.

Ответ этот больно кольнул его, заставил даже малость отрезветь. Глядел на нее, хлопая глазами. Отбрила милая сестрица. На выручку пошла было жена.

— А мы бы, Авдотья Никаноровна, этот дом под дачку...

— Господи, — взмолилась бабка, — да приезжайте, живите хоть целое лето. Тут, конечно, вон и река, и лесок, место приятное. Кто вам отказывает? Да и что делить? Жива еще я, жива... А Танюшке завидовать грех. Грех, братик и любезная сношка.

И про себя: разбогатели, так других хоть под каблук. Она встала. Встал и Андрей.

— Домой! — резко возгласил он. — Катерина, кому я говорю?

— Заторопились. Да что ты, братец? Обождите. Ты еще на огород не глядел, на повалившуюся изгородь... — снова напомнила она о ней.

Но он и в этот раз не внял ее беспокойным словам, лишь повторил так же раздраженно:

— Домой!

— Обождите, хоть я кое-что соберу вам. Того же лучку, укропчика зеленого да пирожки для Тани...

Она и впрямь через несколько минут по привычке наполнила брату сумку.

Гоша, вытерев влажный рот, взял аккордеон, подмигнул:

— Сыграть, что ли, походного?

Ему никто не ответил.

Уезжали в полном молчании.

Вечером Авдотья зашла к соседям, дядьке Семену и его внуку, отнесла полное блюдо овсяного киселя, который так и не выставила она на стол, когда сношка стала отказываться от ее стряпни.

— Кушайте. Не обессудьте, водочки уже нет.

— А мы непьющие, — ответил Семен, улыбаясь в пышные сивые усы. — Мы — едущие.

А утром инвалид постучал костылем в окно бабки.

— Что — изгородь так и будет валяться? Пойдемте-ка. Без разговоров, быстренько.

Был он не один, с внучонком, который нес заступ и топор.

— Милые, да вы что, да как же с такими-то ногами? — растерялась она.

Работали весь день с малым перерывом на обед. А когда все было сделано, Авдотья заулыбалась.

— Вот и огород на ноги стал. Быть, помолодел. Спасибо, соседушка! — тут она оглянулась на дом, на сильно осевший левый угол, как будто он споткнулся и припал на колено. — Теперь бы поднять и его. Не скажете, где найти плотника? — обратилась она к Семену.

— Ишь, раззадорилась, — засмеялся сосед. — Но, может, хватит дома без ремонта на вашу старость?

— Вот уж нет, раз раззадорилась — надо подновить и дом. Непременно! Жить в нем придется долго. Только бы плотника найти.

Думала же она не о себе — Татьяна была на уме, ей тут жить.

Ветер, дувший с реки, освежал оживленное лицо бабки, весело бился в ее седых волосах.

ЖАР ЦВЕТОВ

У него все было по-своему приметно: малый рост, узкие плечи, худоба. А глаза — пронзительно черные, большие, как сливы. Над ними чернеть густых бровей. Хоть и носил он все просторное, но ничто не могло скрыть проступающие через одежду, острые, как у подростка, лопатки.

Лицо прорезано складками, теснящимися у приплюснутого носа. В молодости Михаил играл в футбол, легко носили его жилистые ноги, но

в одном горячем поединке с приезжей командой получил удар тугого мяча в лицо, отчего его тонкий с горбинкой нос хрястнул и навсегда сделался седловатым.

Работал Михаил Михайлин в районной типографии. Начал с ученичества. Сначала печатал на "американке" разные "мелоча": бланки, квитанции, накладные, ярлыки для местного водочного завода. Потом ему доверили плоскопечатную машину, работал районную газету. Прошло еще несколько лет, и здесь же, в этой небольшой типографии, занимавшей нижний этаж райгазеты, Михаил стал заведующим. Впрочем, чаще его называли директором.

Так вот, будто по ступенькам, поднимался к мастерству и известности.

Но известным он был человеком в городе не только потому, что давал свет газете и акцидентной продукции, как именовали на типографском языке упомянутые "мелоча". Знали его еще как страстного любителя цветов. Цветы! Ну, да разве мог он жить без них, не выращивать, не дарить людям, в первую очередь самим же работникам типографии и жителям извилистой однопосадной улицы, пролегшей по берегу говорливой речушки Каменки, где квартировал в небольшом бревенчатом доме. С весны до осени в палисаднике, перед окном, полыхало то бело-голубое, то малиновое пламя цветника, жужжали пчелы, а в воздухе витал сладчайший медовый дух.

Начинал с малого, с доставшегося ему крохотного клочка земли шириной в пару-другую шагов. Рядышком у другого квартиранта росла картошка. Этому человеку, все считавшему на рубли, было не до цветов. Картошка, мол, всегда в цене, особенно весной. Михаил вскопал свой кусок землицы, вздобрил коровяком — с загородного выгона в мешочке таскал. Посадил только простенькие маргаритки, ноготки да мальву.

Это уже после, когда картофельный эконом потеснился, в палисаднике заалели тюльпаны, зажглись звездочки гвоздичек. А когда и всего палисадника стало мало для цветов, Михаил начал копать клумбы во дворе типографии, подвешивать на стенах в цехах горшочки для комнатных цветов.

Как ни занят был новый заведующий работой в типографии (незавидной, очень запущенной досталась она ему от предшественника), но выкраивал время для цветов. Иные даже подшучивали над ним, не утони, дескать, в цветочной стихии. Он в ответ только посмеивался: ничего, помаленьку выплыву.

Цветы для него были чем-то вроде талисмана, талисмана жизни.

* * *

Типографию долго подводил наборный цех. Не ладилось там дело, шел брак. Ошибки замучили корректора: вычитает гранки, поправит, взамен появляются новые "ляпы".

Я тогда делал начальные шаги редактора районки. И надо было случиться так, что первый же номер, который выходил за моей подписью, "украсили" эти злополучные ляпы. Я вызвал корректора: как же вы недоглядели? Михайлин же взял его под защиту, не с него, сказал, надо начинать. Первопричину надо искать. Как? "А вот попробую", — ответил он.

Со следующего дня он как бы переселился в "непутевый" цех. Приходя, брал верстатку и становился к реалу, к наборным кассам. Часами пребывал в цехе. Как прикипел к нему. Некогда стало даже на обед сходить; Капитолина, его жена, такая же маленькая, как и он, приносила ему сюда, в цех, еду.

Всегда он становился неподалеку от старого, угрюмого на вид и неразговорчивого дяди Мити, единственного, кто набирал быстрее всех, а главное — без брака, без ошибок, но не очень-то выказывал секреты своего умельства.

Кося взглядом на то, как дядька мгновенно, с легким пристуком укладывал в выем верстатки буковку за буковкой, Михаил и сам старался делать так же. Сначала, конечно, и у него, как и у других наборщиков, не обходилось без ошибок, а о быстроте нечего и говорить. Но старался, так старался!

Дядя Митя делал вид, что не замечает его, только чаще прежнего сводил рыжие брови. Как же подойти к старому, как сблизиться? Подвернулся хороший случай: у дядьки настал день рождения, и Михайлин утром, перед началом работы, преподнес ему букет из первых весенних цветов. Проход между реалами, где стоял дядя Митя, наполнился тончайшим ароматом. Старый невольно повел подстриженными для такого дня усами. Глаза потеплели, шершавые, с щербинкой губы раскрылись в улыбке. Возможно, первый раз за долгое время так счастливо улыбался.

— Спасибо! — растроганно поблагодарил он заведующего и, надев черный фартук, принялся за работу.

Взял верстатку и заведующий и встал на прежнее место. В стариковской верстатке перестук, в "директорской" тоже, только реже, но настойчиво, неотступно.

Оглядывается дядя Митя, поводит плечами, трогает кончики укороченных усов. Крякает. Сказать, что ли, что-то хочет? Нет, молчит. Пойми, что у него на душе!

Опять перестук. Один — частый, другой — редкий.

После смены дядя Митя задерживается в цехе, не спешит домой, несмотря на то, что дома ждет его застолье по случаю дня рождения. Задерживается и заведующий. Ну, у него еще другие дела, скоро надо спускаться в печатный цех, куда уже пришла жена печатать газету: она теперь стоит на этом деле.

— Что же вы не идете домой, дядя Митя? — наконец спрашивает его заведующий.

— Да вот... — он глуховато кашляет в мословатый кулак. — Все откладывал слово тебе сказать. А сейчас, кажись, время. Выслушаешь?

Михайлин охотно кивнул.

— Ладно, коль так, — подхватил дядя Митя. — А скажу вот что: не раздевай меня, братец, своим гляденьем. Богом прошу. Я лучше сам... Да, собери народец, а я что ни то и порасскажу. Правда, у меня секретов особых нету, навык, только и всего. Раньше никто не спрашивал, стало, и думал: не нужен... А ты, гляжу, допытываешься, хочешь типографию в люди вывести. Дело! — и уже требовательно: — Так не мешкай, собери!

Собрал, как же не собрать; типографский народец и сам этого ждал.

А после несколько дней директор сидел в своем закутке, писал докладную.

* * *

— Приехал! Ну-к, с чем? — начальник полиграфуправления постучал карандашиком по столу, заваленному бумагами.

Да он что — не знает? Или не прочитал докладную о хозяйстве типографии, об износившихся шрифтах, о разных нехватках? Михайлин так и застыл перед начальником. В одной руке держал дочуркин ученический портфельчик (своего, "директорского", еще не завел), в другой — какие-то пакетики: должно быть, он не успел сунуть их в портфельчик.

Посчитав, видимо, что в пакетах образцы износившихся шрифтов, начальник потребовал:

— Что стоишь? Садись да показывай, что привело. Читал твою слезницу. Вскрывай, — кивнул он на пакеты, — вынимай шрифты.

— Это?.. — Михайлин вместо того, чтобы распечатать пакеты, поспешно затолкал их в портфель. — Это не шрифты, а семена, луковки цветов. Рано приехал — так на базар забежал. У нас выбора нет. И прикупил...

— Вот как! Выходит, за цветочками пожаловал. Интересно, интересно...

У Михайлина дрогнули губы. Оплошал. Лучше бы, видно, после заглянуть на базар. Докажи вот теперь начальнику.

При всей своей напористости в деле, он был человеком стеснительным, совестливым. И сейчас порастерялся перед хмурым начальником, крупнотелым, рыхлым, который копной высился в кресле. Наверное, в его широкий костюм убралось бы три таких щупленьких Михайлиных.

Он молчал. А хозяин кресла продолжал постукивать карандашом по каким-то мелко исписанным листам бумаги. Бог ты мой, да это же его, Михайлина, докладная. Видно, и она вызвала у него досаду.

— Да, цветочки, — сердился начальник. — А типография-то, как ты сам пишешь, подмоги просит.

— Так вашей же, — поосмелев, сказал Михайлин. — Мы не просим наборных машин, подбросьте хотя бы немного новых шрифтов. Со времен царя Гороха не обновлялись. Текстовые совсем никуда, да и заголовочные...

— Вот бы и показал. А цветочки могли бы и подождать.

— Да что они вам помешали? — с досадой возразил Михайлин. — Нашли помеху! Хотите знать, так цветы меня и в типографию привели. В ней и утвердили, вот!

Горячность Михаила, видимо, позабавила начальника. Спросил:

— Это как же получилось?

— Получилось! Невеста в типографии работала, так букеты ей носил. А потом, — Михаил выдержал паузу и, улыбнувшись, досказал, — потом и сам туда же. — Поглядел на начальника: — Будете смеяться?..

Нет, он не засмеялся. Наоборот, о чем-то вдруг задумался, что-то, должно быть, вспомнил. Быть может, и у него было нечто похожее в жизни. Отложил в сторону карандаш, пододвинул к себе докладную.

— Я, пожалуй, еще разок прочитаю ее и потолкую со снабженцами, — сказал он. — А ты завтра утречком снова зайди ко мне, — усмехнулся, — или опять побежишь на базар? Все ли закупил? Ну-к...

Усмешка теперь уже не обидела Михайлина, и он ответил, что лилий ищет беленьких, "регале" называются, такие крупноцветные, их бы охота испробовать на нашей земле — небесный цветок.

— А дочурка, — добавил он, — спит и видит розу, тоже белую. Только ведь...

— Розу, розу, — перебивая Михайлина, повторил начальник. — Это знакомо. Н-да, вещь... Это...

Нет, дальше не стал распространяться.

Мотнул головой.

— Ладно, поговорили. До завтра.

На другой день Михайлин смелее вошел в кабинет. Начальник сразу предложил ему кресло.

— Значит, так, — тотчас же начал он, — шрифтов дам. Текстовых и заголовочных. Линотипа пока не обещаю, но все же пришли к нам дельного паренька — загодя подучим машинному набору. Туго с печатными машинами. Подводят поставщики. Пока обходитесь тем, что есть.

— А я и не прошу. На плоскопечатной сам работал — сберег. Теперь на ней жена печатает. Надежно.

— Тогда все. Впрочем, нет. Одну минутку, — тут начальник вынул из ящика стола какой-то сверток и сунул Михайлину.

— А это корень розы. Какой только — белой или красной — не знаю. Увидишь сам, когда зацветет. У соседа выпросил. — Погрозил: — Смотри, чтоб цвела.

Михайлин во все глаза глядел на начальника, показавшегося сейчас простым, доступным, хотя по-прежнему и строгим.

* * *

Живее, проворнее Михайлина никого не было в типографии. Но как он был слаб здоровьем! Впрочем, никому не жаловался на свои недомогания, на людях держался. В застолье веселее его не было никого. И песню во всю громкость споет, не откажется пойти в пляс, лишь бы прозвучала гармошка или гитара. Правда, потом в тайне от гостей и даже от своей жены держится за живот, корчится.

Но как ни старался скрывать боли, попал в больницу с направлением на операцию. Однако хирург отказался от "оперативного вмешательства": поправится, мол, и без помощи ланцета... Михайлину только такой ответ и нужен был. Даже засмеялся: "И верно, если всех директоров резать, так кому же работать?"

Догадывался ли он об истинной причине отказа? Капитолина знала все, но хранила тайну, не подавала вида, что ей все известно. Не без боязни, правда, ведь недолго и проговориться...

А он, немного поправившись, опять носился со своими заботами, ездил в разные города — приходилось доставать то одно, то другое: типография за последние годы расширилась, поэтому и потребности увеличились. Труднее всего было доставать бумагу. У снабженцев один разговор: война сколько сожгла бумажных фабрик, а они не грибы — скоро не растут.

Ездил и в Балахну, и на Сокол, и в другие места, надрывался, доказывая, как нужна бумага, нельзя же все с колес да с колес. Свою половину века ему даже отметить не довелось: в дороге застала эта дата. Зимой, в январскую стужу, трясся он в холодном товарняке со своими "трофеями". Согревался куревом. Думал, как бы не задержался поезд в дороге и не запоздать к печатанию газеты.

Думал и о прожитых пятидесяти годах. Неужели столько лет и зим пролетело? Ведь вот, кажется, совсем недавно породнился с типографией, с которой и начиналась его настоящая жизнь. Что казалось далеким, за туманами времени, не столь уж реальным, так это голодные годы, сиротство, детский дом...

Ох эта зима! Свалила она Михайлина. Грипп? Но почему же обострились боли в желудке? И небывалая слабость. Отчего? Врач уверял, что это грипп дал осложнение.

Что ж, осложнение так осложнение, с кем такое не бывает.

Видно, все-таки не догадывался.

Весной отправился в Ессентуки пить целебную минералку. Капитолина послала, она и санаторную путевку выхлопотала. Зная, что не так-то просто отправить его на далекий Кавказ, за тысячи километров от родного города, она схитрила: поезжай, там, небось, полно всяких цветов, авось, и белую лилию найдешь.

Дальняя дорога утомила его. А по приезде в Ессентуки совсем расклеился. Никуда из санатория не выходил. В солнечные дни усаживался на балконе и молча глядел на ледяные горы Эльбруса и зубчатую цепь Кавказского хребта, на зеленые долины и кипень парков и садов, в которых белели небольшие опрятные домики, слушал доносившийся с оживленных улочек говор многоликой отдыхающей толпы. Наряден Кавказ. Вот уж где расщедрилась природа. Но ничто не радовало Михайлина.

Боли, боли, боли. Никогда таких еще не бывало. Метался: неужто все?.. Нет, он должен пересилить слабость. Хватит киснуть! Ведь не древний же старик. Встряхнись!

Эх, если бы найти заветный цветок!

Ездил в цветочные магазины, на базар, покупал расхваливаемые продавцами семена южных цветов. А из головы не выходил нежный снежно-белый цветок лилии "регале".

Как-то забрел в сад к одному старому цветоводу. Какой это сад! Все в нем благоухало.

— Выбирай любой экземпляр, — показывая цветы, предлагал хозяин. Каждый цветок он называл сначала по латыни, потом по-русски. — Вот Diantnus chinensil — это сиренево-серебристая гвоздика, китайская, редкий цветок. Дальше, видите, Anacamptis nyzamida Lis — анакамптис пирамидальный, родина — Кавказ. А это...

— Постойте, лилия регале у вас есть?

— К сожалению...

Напокупал Михайлин тех, какие хвалил цветовод. При этом цветовод пообещал со временем добыть и белую лилию и прислать почтой, и Ми-

хайлин отдал в задаток ему последние деньги. Домой поехал с пустым кошельком.

Как нередко и раньше бывало, пришлось виниться перед женой, что опять не хватило денег на подарки, зато, мол, какие цветы! Вот уж посмотришь...

Она смотрела на него. Только на него...

В типографском дворе места для цветов не хватило — Михаил выпросил заброшенный, затоптанный уголок в сквере у торговых рядов, тут стал копать. На помощь к нему пришел "типографский народец". Мне, кроме всего, наказал: присылай своих с Шачи, поделюсь и с ними цветочными семенами.

Капитолина радовалась: не зря хлопотала насчет путевки, съездил и ожил. Страшная болезнь? Да уж она ли была? Врачи тоже могут ошибиться...

А через месяц Михайлина не стало.

На похороны приехала его сестра. С письмом, которое он послал ей перед поездкой в Ессентуки. Писал, что он знает, какая у него болезнь — рак не скроешь, но просил не говорить это жене и вообще никому.

Не стало Михаила Михайлина, но цветы остались. Его цветы, жар его доброго сердца.

УРОК

Памяти Прасковьи Андреевны Малининой

На самом краю костромского разлива — село Саметь.

Говорят, Николай Алексеевич Некрасов как раз через него ездил к старому Мазаю в Малые Вежи. Вежа под водой, а Саметь, с ее тремя улицами, деревянными и каменными домами, сохранилась.

Живет село, трудится в меру сил своих, с гордостью хранит славу опытных животноводов и мастеров овощеводства.

Ездят в Саметь гости из городов и весей. Есть что им тут увидеть, перенять.

Как-то весной прикатил в село молоденький корреспондент газеты. В одной руке — дипломат, в другой — фотоаппарат. Полюбовавшись огнистым кипением сиреней — непременным кустарником в каждом палисаднике, взглянув на новую школу и большое с колоннами здание Дома культуры, он прошел в контору. Надо было взять кое-какие цифры, сделать снимки для репортажа, встретиться с председателем.

Но кабинет был пуст.

— Где председатель?

— На работе, где же ему быть? — ответил вошедший за ним мужичок небольшого роста, с уздечкой, должно быть, ездовой.

— На работе? — корреспондент опять взглянул на закрытый кабинет. — Все-таки когда я могу увидеть его?

На этот вопрос ответила счетоводка:

— Подождите, скоро будет телефон трещать, так придет.

— Как трещать?

— А так. Из района примутся звонить. У всех до нее находится дело...

Пришлось нетерпеливому газетчику ждать.

Прасковья Андреевна Малинина с утра, как всегда, пошла по колхозным службам. Это у нее было заведено не сегодня, не вчера — с тех пор, как стала председателем колхоза. День не так уж велик, а везде надо успеть. На председательскую работу Малинина пришла с животноводческой фермы, где сначала была дояркой, потом бригадиршей, затем заведующей.

Правду сказать, не очень-то хотелось ей уходить с фермы. Вместе с караваевским совхозом и соседним колхозом "Пятилетка" выводили тогда новую породу молочного скота, почти полжизни ушло на это. Каждый день заботы, нервотрепка: далеко ведь не все верили в успех. Порой и у нее опускались руки. Не хватало кормов, с трудом шел отбор и выращивание коров и производителей на племя, хоть плачь. Да, и плакала, только никто об этом не знал.

А уж когда была признана правительством новая порода, получившая название Костромской, когда все увидели крупных, красивых, с необычно большим выменем коров светло-палевой, под цвет солнца масти, с удоем в четыре-пять тысяч литров за лактацию, Прасковья Андреевна посчитала, что теперь она до конца дней своих останется на ферме.

Но судьба распорядилась по-своему. Правда, ферма у председательши по-прежнему оставалась на первом месте. Как и раньше, она часто приходила туда вместе с доярками, помогала им советом, а иногда и сама бралась за дойку. Все до мелочей знала о ферме, ее людях, кто на что способен.

Считалась она мягкосердечной, но бывала и жесткой, когда видела небрежность в работе. На открытом, резко очерченном лице с жгутика-

ми морщин у глаз теплая улыбка сменялась колючей, ироничной. На Малинину не обижались, знали: напрасного (по-саметски — зряшного) слова не скажет.

Вот и сегодня она не такой уж добродушной появилась на ферме. Заболела, притушила глаза корова, а кто-то из доярок и бросил:

— Андреевна, что ты так-то убиваешься? Не молода уж коровка-то.

— Ну и что?

— Может, пока не поздно — на мясо...

— На мясо? А ты, милая, забыла, сколько дает она молока? Пять тысяч в год. Целый детсад поит. На мясо и бычков хватит.

Тут же был ветеринар. К нему: что скажешь?

— Будем выхаживать.

— Вот так-то! — она погладила корову по голове, за ушами, заглянула в ее сливовые умные глаза. — Плохо? Потерпи, хорошая.

С фермы — на луга. Слава богу, трава растет, густеет, скоро должна зацвести. Подождем. Но пора уже сейчас косильщиков на дело настраивать. Весна ранняя, сроки опередятся, может быть, удастся два укоса сделать. Ведь так мало осталось лугов, разлив этот...

Вспомнила, как ездила в Москву по ведомствам, дошла даже до правительства. К тому времени она была известна в Москве — лауреат государственной премии, депутат Верховного Совета Российской Федерации, Герой Социалистического Труда. Если какая секретарша вставала у дверей высокого начальства, она вежливо отжимала ее крепким плечом и входила в кабинет.

— Меня вся мазаевская сторона прислала. Спасать надо низину.

— Постойте, это где зайчиков на лодке катали? — с усмешечкой уточнял иной сановитый начальник.

— А другую живность вы уж в расчет не берете? — досадовала она.

— Гм... А как спасать?

— Подумайте. Вы решали строить станцию, поднимать воду на Волге. Вам, значит, и знать. Оградить как-то надо от разлива, насыпь сделать, дамбу, что ли.

— Дорогая, на это потребуются миллионы.

— Миллионы-то вы в воде утопите. Здешней земле цены нет. Не плоше, пожалуй, южной, черной. Замахнулись! Ну-ка, с чем оставите Кострому, которая получает от нас молоко и овощи? Понимать это надо, -резала она.

Гидростроителям пришлось умерить размах. Сделали многокилометровую дамбу, которая от берега Волги полукругом оградила половину низины.

Малинина могла бы быть довольной. Все-таки отстояла колхоз. И не только свой. Сохранились "Пятилетка", Заречье. Но спокойной себя не

считала. Если бы побольше осталось лугов и пахоты, можно было бы к сотням "костромичек" прибавить еще стадо. Не от хорошей жизни приходится собирать даже картофельную ботву на силос. Это кроме самого картофеля, который чуть не круглый год получают коровы — хороший оказался молокогонный корм.

Пока Прасковья Андреевна ходила по лугам, прикидывая, откуда начинать косьбу, где метать стога, чтобы не подтопило, к ней подковылял пожилой пастух, худотелый, с спеченным на солнце лицом. Помахивая прутиком, поздоровался. А потом:

— Вижу, все маракуешь. Это хорошо. У меня тоже маленькая задумка зародилась. Послушай, Андреевна.

— Говори.

— Залив наступает, теснит. Там вон, что за ивняками. Кругом заболотилась земля. И трава вырождается — одна осока пошла. Какой уж это корм? Коровам и вовсе плохо: вязнут.

— Знаю. Ну, и какой ты видишь выход? Подскажи.

— А выход, по-моему, один: запрудить бы надо горловину залива. Напрочь, чтоб ни капли дальше.

— А с той водой, что зашла, что делать?

— Откачать. Ясное дело, не руками. Насос поставить. Аль не найдутся умельцы? Глядишь, сколько гектаров пожни получим, как манну небесную. Верно говорю, ах?

— Да руками мах, — улыбнулась Малинина.

Понравилась ей пастушья задумка, сама об этом сколько думала. Выходит, не одну ее тревожит заболачивание дорогой земли. Значит, дело назрело. С этой мыслью пошла она дальше по хозяйству.

Но до конца не удалось закончить утренний обход. Защемило больное сердце. В контору!

Корреспондент поднялся навстречу ей, молоденький длинноволосый малый, в синих джинсах, поздоровался и бойко сказал:

— Прошу всего пять минут. Мини-экспресс.

Малинина позвала его в кабинет, указала место за столом, села и сама.

— Значит, мини? Что же вас интересует? — спросила, катая во рту какую-то таблетку: без воды не глоталось.

— Хочу узнать о ваших производственных показателях, о материальных, так сказать, ценностях.

— Так, ясно. Но это вы могли бы узнать в бухгалтерии, не томясь в ожидании меня, — попыталась она слегка умерить его игривый тон...

— Но знаете, — крутнул корреспондент головой, — для газеты важен живой голос самой уважаемой руководительницы.

— Голос? — удивилась она. — Да ведь я не петь буду вам. Ну ладно, показатели так показатели. — Наконец-то она проглотила таблетку. — С чего начнем?

Корреспондент заглянул в блокнот.

— Давайте уточним цифры надоя молока. У меня тут данные за четыре месяца, — он назвал цифры. — Есть изменения?

— Конечно. Июнь же идет. Записывайте.

Зазвонил телефон, началось то самое "трещание", о котором предупреждала счетоводка. Прасковья Андревна поморщилась, но взяла трубку. Пришлось отвечать сразу и на звонок, и на вопросы корреспондента.

— Так, записал, — потер руки посланец газеты. — Теперь назовите коров-рекордисток.

— А доярки вас не интересуют? — И в трубку: — Нет, это не вам, у меня товарищ корреспондент... Значит, только коровы? — уточнила, а сама мыслями перенеслась к дояркам, которые как раз и пестовали рекордисток. Вместе с ними приходилось ей и горевать при неудачах, и радоваться, когда дело выигрывало. Подумала и о пастухе, с которым только что разговаривала, слушала, с каким жаром он вверял ей свою задумку. На что же газетчику одни-то коровы, "ценности" без людей, создателей их?

Она замешкалась. Корреспондент повторил свой вопрос.

— Ну, пожалуйста, — ответила и стала перечислять клички рекордисток с пяти-шеститысячными надоями молока.

— Хватит, давайте перейдем к кормовой базе.

— Что ж, давайте, — и в трубку, — это не вам. Да нет, никуда я не пропала. Слушаю. Что, ехать на совещание? Господи, вот не ко времени. Работы невпроворот, бумагами завалили, да вот эти совещания. Но ладно, приеду, выберусь, — она положила трубку и обернулась к корреспонденту. — А что вам о "базе"?

— Силос закладываете?

— Пока не начинали.

— Настроение выжидания?

Малинина терпеливо объяснила, что да, было и "выжидание" (словечко-то какое!), ждали, когда погуще и повыше трава поднимется, что колхозу не все равно, на какой луг с косилкой выезжать, пусть уж другие, охочие, торопятся прокричать "ура". И пронизывая настырного гостя взглядом, сказала, что пусть он не переживает за колхоз — с планом Саметь как-нибудь справится.

— Как-нибудь?

— Да. Еще что?

Он перелистнул несколько страничек блокнота.

— Пожалуй, все. Хотя для финала еще вопросик. Народ у вас, как видно, сохранился. Почему? Есть секрет?

— Уходили и у нас, но костяк остался.

— Каким образом?

— А вы побудьте у нас подольше, не торопитесь домой, оглядитесь и узнаете.

— Но сказать-то можете?

Малинина сбила в стопку какие-то бумаги и затолкнула их в ящик стола.

— Людей что удерживает на месте? А то, когда они чувствуют свою нужность тут, несут личную ответственность за коллективную собственность. А она в иных колхозах — я это видела, поездив по избирательному округу, — стала как бы ничейной, не закреплена за тем или иным человеком, за семьей. Отсюда и отношение. Не убрано общее поле — плевать ему. Валяется на обочине машина — не моя. Мычат голодные коровы — меня не касается. В отдельных колхозах "ничейных" коров и доят по очереди, и там уж молока не спрашивай.

— Это известно.

— Все ли? Как раз отсюда беды. Крестьянина нельзя отрешать от ответственности ни за землю, ни за живность. Мы как в своем хозяйстве делаем? Каждая доярка получила группу коров. Колхозницы считают их своими. И стараются. Побольше надоят, побольше и получат. Думаем о подрядах. Овощные звенья есть. Не худо бы иметь и полевые. Пускай каждая семья будет хозяином на земле.

— Этаким фермером, что ли?

— Может, будут и фермеры. Чего бояться? — скосила она на корреспондента усмешливые, с живинкой глаза. — Но пока у нас этот вопрос не стоит, колхоз на крепких ногах, зачем же ломать его?

Гость нетерпеливо задвигался на стуле, так и подмывало его на спор.

— Похоже, как я понимаю, вы верите в здешнюю исключительность. Но не обманчиво ли это?

— Исключительность, дорогой, тут ни к чему. Я в дело верю.

Корреспондент захлопнул блокнот.

— Что ж, спасибо за беседу. В заключение прошу только парочку оптимистических слов, скажите, что обещаете в целом по колхозу? — он сощурился.

У Малининой заныл зуб. Дал бог такого настырного гостя!

— Оптимистических, значит? — повторила она, прижимая руку к щеке. — Извиняй, обещаний хватает и без нас.

— Так-ак! — с каким-то значением протянул корреспондент. — Тогда давайте на этом и кончим.

На выходе из села, у автобусной будки, его остановил тот самый мужичок, с которым утром встретился в конторе.

— Ну что, поговорил с Андреевной?

— Поговорил.

— А хорошо ли? Уж больно хмур идешь.

— Но вам-то какая забота? — парень явно досадовал.

— Погодь. В селе, ты вижу, первый раз. А его, как и нашу председательницу, сразу не разглядишь. Спрашивал-то что?

— Обновлял цифры. Но уж очень ваша начальница суха.

— Вот как! — удивился колхозник. И вдруг вскинул голову, задвигал густыми бровями. — До прихода автобуса еще минут двадцать. Хошь, я притчу одну проглаголю?

— Шел бы ты, батя, домой. Обедать, небось, собрался. А притчу, да не одну, я сам при случае в книгах могу прочесть.

— Эту в книгах не найдешь.

— Да, такая особенная? — корреспондент засмеялся.

— А ты послушай, послушай, — и, не дожидаясь согласия, нежданный собеседник начал рассказывать об одном незадачливом человеке, которому казалось, что весь белый свет против него. Изгой, да и только. Семья большая, детишек народил много. Хотя, конечно, меньше, чем Моисей. Ну, тот ведь после бога второе лицо... Беден был сей человек.

— Так это ты, батя, никак о библейском Лазаре?

— Нет, голова. Тот не крал. А этот... Да ты слушай.

И, воодушевляясь, лепил слово к слову, как бедный человек, недовольный своей жизнью, однажды прилюдно осрамил главное лицо селения, от него, дескать, все нехватки. Сами, мол, сыты, в хоромах живут, а вот ему досталась развалюха, ребятишки недоедают.

Ничего не сказало в ответ главное лицо, только все качало головой. Зато соседи напустились на мужика: сколь зарабатываешь, столько и получаешь. По одежке протягивай и ножки... Может, пораньше надо вставать да за дело браться. Он и впрямь неохоч был к труду. Отмахивался: все равно уж не нажить палат каменных. А зависть осталась, не пропускал, что плохо лежит.

Вскоре после поношения главного лица он под вечерок тайком заявился на общее поле. Днем тут копали картошку, да не всю вывезли, и у человека загорелись глаза. Сначала один мешок унес, потом пришел за

вторым: в колхозе, мол, не убудет. А в это время проезжало мимо главное лицо. Увидело, остановилось.

— Это ты, Н-ша?

Руки-ноги у него затряслись. Попал. Теперь засудит, отплатит. Прежнее главное лицо не за такие дела судило. Ох, грех великий. Мешок сам собой вывалился из рук мужичка.

— Я спрашиваю: это ты, Н-ша? — повторился вопрос.

— Я, — отрешенно ответил он.

— Вот ведь где встретились. На копке-то тебя я не видела...

Пристыдила, так пристыдила начальница! Он крутился, как таракан на жару: бес попутал, прости. Семья-де, и все такое.

— Знаю, что семья. Но вспомнил-то невзначай. Не послушал, о чем мужики говорили. Ну, как же с тобой быть? — медлило главное лицо минуту-другую. Потом: — На правлении мы решили — средненькую в пионерлагерь отправить, а для ремонта избы плотников прислать. Можно и картошкой помочь, если своей нехваток. Но эту... на колхозный склад! Ты понял меня?

— Понял. Потом под суд? — трясся он.

— Суд, суд, — передразнило главное лицо. — Не все судом решается...

Сказало и уехало.

— Спросишь, — обернулся собеседник к корреспонденту, — что было дальше? Скажу...

Но тут подошел автобус, и корреспонденту пришлось идти на посадку.

— Ты опять приезжай, доскажу.

Был ли ответ, он не услышал в сутолоке.

Статью корреспондент написал не сразу. Когда брался за перо, перед ним маячил запомнившийся иронический взгляд Малининой, и это останавливало его. Потом всплывал перед глазами мужичок, этот непрошенный сказитель со своим главным лицом, надуманным, конечно. Он тоже как бы толкал под руку: погоди, дослушать сначала надо. А чего? Басенку про новоиспеченного Лазаря?

В общем, не скоро корреспонденция появилась в газете. Дружки хвалили, да и сам автор был доволен ею. Вытанцевалась! Позвонил Малининой.

— Читали? Хоть и натянуто попрощались, а я не уронил ни одной капли дегтя. Не правда ли, впечатляет статья?

— Меня нет. — ошарашила она автора. — Цифр, верно, много. Души живой не вижу.

Он обиженно положил трубку. Так старался, и нате вам. Мог и поругать колхоз и ее самую, хотя бы за то же самое выжидание с закладкой силоса, но он по-честному умолчал. И слышать теперь — нет души. У кого нет-то? У статьи ли? Депутат, лауреатка — зазналась. Негодовал непризнанный автор. Нет уж, теперь его калачом не заманишь в достославную Саметь.

Да и Малининой недосуг было снова встречаться с ним. Много доставляла ей хлопот ферма чернобурых лисиц. Одержимая страстью деятельности, заботой об укреплении колхоза, Прасковья Андреевна завела звероферму несколько лет назад. Не было возможности расширять молочную, так поставила эту. Оказалась доходной. Так плодились лисята, что хоть делай новые вольеры. Такие симпатичные зверьки, шустрые, быстрые, с острыми мордочками. Вот бы поглядел на них старый Мазай. Хорошее дело, но корму ненапасная. Думай да разворачивайся, председательница.

А тут еще письма с севера. Откуда прослышали там про саметскую картошку? Коровам-де скармливаете, видно, много родится, так не выручите ли северян? Просят, значит, нужда заставила, не откажешь. Приглашали и саму ее приехать к ним. В заграницу, мол, ездишь, в далеком Китае даже побывала, слышали, дескать, что с почетом встречали, так и мы встретим не хуже, трудовому человеку всегда рады.

Да, довелось ей и по заграницам поездить, другие страны повидать, поглядеть, как там живут люди, перенять, что приглянется. Была она не только гостьей. Вспомнила, как ездила в Чехословакию. Привезли ее в один кооператив и первым делом показали тамошних коров. Погляди, просят, порода и у нас неплохая, сравни со своей. Если, говорят, наша понравится, мы поделимся, а коли ваша выигрышнее, вы не откажите в помощи. Согласилась. И тут стали спрашивать, как в Самети доят,

— Могу показать, — вызвалась Прасковья Андреевна.

Вывели со двора на лужайку несколько коров. Села к вымени у одной. Народ возле полукругом встал. Пояснила, что сейчас в колхозе машинная дойка, но иногда проходится выдаивать последние, самые жирные струйки-капли молока руками. "Вот так", — она показала дойку кулаком, с легким нажимом, не вытягивая соски, не причиняя животному боли: при таком доении корове приятно бывает, и она с охотой отдает драгоценные струйки вплоть до последней капельки.

— Спасибо, Малинина, — послышались слова одобрения.

Вспомнив это, Прасковья Андреевна подумала: может, и северянам показать саметскую дойку? Вот поправится, успокоит больное сердце и махнет туда. А сейчас на первой очереди картошка. Отобрать для отправки все, что получше и не испортится в дальней дороге.

Много хлопот оказалось с транспортом. Походила по разным организациям, к железнодорожному начальству. Наконец-то, выпросила вагон, пока один, и загрузила его надежными клубнями. Получайте, северяне!

Но вот разговоры: торговка, спекульнуть, нажиться захотела. Переживала: какая же она спекулянтка, когда людям добро делает, хотя и не в убыток колхозу?

За делами и заботами Малинина уже позабыла о статейке. Зато помнил мужичок с недосказанной притчей. Как-то он приехал в областной город по каким-то надобностям и зашел в редакцию, разыскал знакомого корреспондента. Тот ухмыльнулся:

— А-а, сказитель. Ну, садитесь, выкладывайте новости, — но тут же предупредил, — только недолго, у меня командировка на носу.

— Не задержу, нет, — заторопился сельчанин. — Я только досказать. Ты тогда полюбопытствовал, что стало дальше с потерянным человеком. Так вот, случилось самое желанное: изгоем себя не считает. Прозрел. Спасибо за это главному лицу селения. Работает не плоше других. Все больше на дворе: он и зеленку подвезет, и за сеном съездит, — улыбнулся, проведя узловатыми пальцами по несуществующим усам. — Собирается сам в дояры пойти, по-теперешнему — в операторы машинного доения. В его подновленную избу теперь и солнышко гостем заходит. Вот оно, добро-то! Правду глаголят: ежели зло ранит душу, то добро исцеляет.

Корреспондент глядел на часы.

— Короче можете?

— Сейчас, сейчас. Но больно-то не торопи. Ежели бы тогда дослушал, то, может, и статейку другую настрочил. Не о цифирье, а о людях, которые...

— И ты про то же, — перебил его корреспондент.

— Про то, мил друг, про то. Мы-то знаем: цифирки не сами по себе родятся. Все от трудового человека, да. А ты о людях-то, первоистоке, и забыл сказать. Даже о самой Андреевне не нашел теплого словечка. Сухая, жесткая. Вот те на! Да это ж она вдохнула в бедного селянина живой дух, она поставила его на ноги.

— Постойте, — вдруг воскликнул корреспондент, — так главным лицом селения вы разумеете...

— Ее, Прасковью Андреевну. Она, наша председательница.

— А этот... прощенный ворюга?

Сельчанин на минутку умолк — так ожгло его худое слово. Опустил голову, перекладывая с колена на колено кепку, как будто не находя ей места.

— Отчего вы смутились?

Он поднял на него глаза, наполненные болью, и медленно проговорил:

— Давно я не слыхал такого слова. Ударило. Это ведь я, я был им... этим... Я... Такой вот урок!

Поднялся и заторопился к выходу.

Корреспондент долго еще сидел. Уж не забыл ли он о командировке? Думал о сельчанине и Малининой. Что-то и для него стало открываться, проясняться.

А Малинина? Она жила все так же, в заботах, и не только о своем колхозе.

Как-то на одном областном собрании подошла ко мне и спросила:

— Не вижу здесь твоих земляков. Почему?

— Так ведь дорога не близкая, Прасковья Андреевна, — попытался было я объяснить.

— Ишь ты, неблизкая, — упрекнула меня. — Ну да ладно, сама соберусь. Поуправлюсь с делами и скатаю. Так и передай своим: пускай пиво варят. А если серьезно, то надо помогать друг дружке.

Тогда на Шаче разводили коров костромской породы, и Малинина интересовалась, как приживается новая порода на новом месте.

Уже немало прошло времени, как Прасковьи Андреевны не стало. Но память о ней, ее уроки остались. Образ ее сельчане запечатлели в бронзе. Образ смелой, отзывчивой, деятельной женщины.

Вместо послесловия

Однажды в "Северной правде" появилась статья главного агронома Буйского сельхозуправления К.П.Никитина. Писал он о судьбах деревни, которая находилась в труднейшем положении. Создавались на базе колхозов и совхозов товарищества с ограниченной ответственностью (ТОО), но заметных перемен в сельскохозяйственном производстве это не приносило. У селян было какое-то безразличие к реформам. Все это автор назвал парадоксами современной деревни.

"Мы, — писал он, — недовольны прошлым, но способны ли создать путное будущее?"

Где выход? Что делать?

Я попросил Кирилла Петровича высказать свою точку зрения, ответить на поставленные им самим вопросы. Человек он беспокойный, знающий сельскую жизнь, свое дело. Через некоторое время получил от него взволнованное письмо. Письмо, которое могло бы послужить своеобразным послесловием к моим очеркам.

Привожу главные его мысли и советы.

— Да, крестьянство переживает трудное время. Кризис добивает колхозы. Огромные долги, неплатежи. Только за электроэнергию хозяйства Буйского района должны более миллиарда рублей. Но гораздо страшнее душевный ущерб. Не видит крестьянин перспективы и опускает руки, не встречая должной поддержки в это смутное время. А надо выжить, продержаться.

Как? В куребринском колхозе (ныне ТОО "Заря") смогли удержать хозяйство от развала. Руководители тут люди хозяйственные: это председатель Владимир Климов, агроном Надежда Агапитова, зоотехник Лариса Лаврова. Сейчас "Заря" — единственное хозяйство в районе, где самый большой удой молока на ферме: движется к трем тысячам на корову. А доярка Валентина Смирнова (горшковская ферма) вот-вот перешагнет этот рубеж. Помогает здесь то, что всю систему оплаты труда "завязали" на конечный результат. Регулярно выдается зарплата.

Если бы везде так! А то ведь в иных хозяйствах задерживается выдача заработка месяцами. Чего уж в таком случае ждать?

...Фермерство прививается, мягко говоря, слабо. Сейчас у нас 150 фермеров. Одиночки не выживают. Да это и понятно. Могут ли одиночки купить дорогую технику, удобрения, вести строительство? А без этого не поднимешь хозяйство. Натуральное ведение хозяйства, как известно, не

может дать высокую производительность труда, обеспечить конкурентоспособность продукции.

Держатся на плаву так называемые ассоциации крестьянских хозяйств (АКХ), создаваемые на базе бригад и отделений в бывших колхозах и совхозах. Это своего рода мини-колхозы, где работает 10-20 человек (например, в Ликурге). У них и техника в ходу, острее чувствуют они и зависимость от результатов своего труда.

Путь же одиночек бесперспективен.

Многие говорят: "Народ должен переболеть". А не слишком ли долго длится этот процесс? Итог глупости печален. Из всех нас пока получились одни равнодушные разрушители, о чем и свидетельствует современный развал, особенно в деревне.

Надо налаживать кооперацию, объединять усилия. И тогда фермеры при коллективном начале будут давать стране и хлеб, и молоко. Без этого нельзя восстановить деревню, добиться успеха.

На это надеется и автор настоящего сборника очерков и рассказов.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3
Корни 5
В пасхальную ночь 9
Первый студент 12
После столбушки 19
Чай да сахар 25
Зарубка на сердце 31
Старшина 36
Редакция 41
Д и П 47
По течению 50
Письмо с послесловием 53
А что сказал отец? 61
Во имя жизни 66
Делегатка 74
Да будет свет! 77
Последний наказ 81
Ненормализованное молоко 85
К Сусанину 89
Домушники 98
На изломе 102
Последний строгач 108

Повесть и рассказы

Черная борозда 115
Собственники 141
Встреча 150
Дуняхин юбилей 155
Жар цветов 163
Урок 170
Вместо послесловия 181

Константин Иванович АБАТУРОВ

МОЯ ШАЧА

Повесть, рассказы и очерки

Печатается в авторской редакции.

Специальный выпуск "Литературной Костромы",
издание писательской организации, 1996 г.

Главный редактор — М.Ф.Базанков.
Ответственный секретарь — Е.А.Разумов.
Обложка, изомонтажи, рисунки — М.Базанков.

Издания Костромской областной писательской организации осуществляются в связи с принятой региональной программой изучения русской литературы.
За справками можно обращаться по адресу:
156005, г.Кострома, пл.Конституции, 1.
Костромская писательская организация.
Телефоны: 57-21-91, 57-35-02.

Издание осуществлено при участии
Костромской областной администрации.

Оригинал-макет подготовлен к печати в редакции журнала "Губернский дом".
Сдано в набор 3.11.96г. Подписано к печати 5.12.96г. Заказ № 2832.
Печать офсетная. Объем 12 п. л. Тираж 2000 экз. Цена свободная.

Отпечатано в областной типографии им.М.Горького
управления по делам печати и массовой информации
администрации Костромской области, г.Кострома, ул.П.Щербины, 2